

К 50-летию Ивановского драматического театра

ПОСТОЯНСТВО ПОИСКА

Владимир Белецкий совершенно точно называет роль, с которой произошла резкая фокусировка его актерских данных. Это — Федя в «Святом и грешном» М. Ворфоломеева. Действительно, в том спектакле исполнителя не просто осенила случайная удача. Началось, образно говоря, его новое творческое летосчисление.

К этому вел путь извилистый и нелегкий: филиал школы-студии МХАТ в Волгограде и курс режиссуры, пройденный в училище при театре им. Вахтангова, многочисленные работы исполнителя и постановщика. Начиная же Белецкий в Целинограде, в пору освоения целинных земель, — молодым актером в молодом театре. Затем был Норильск. До сих пор вспоминается суровое Заполярье: а трудности испустила удивительная реакция зрительного зала, способного оценить в спектакле тончайшие оттенки. Знаменателен перечень наиболее крупных работ тех лет. Самая первая — Ромео. Затем Фердинанд в «Коварстве и любви». Звездич в лермонтовском «Маскараде»...

Огромно, беспредельно расстояние, разделяющее рубежи добра и зла, благородства и низости. Между крайними полюсами — множество градаций. Пройти по этой многоступенчатой лестнице, мотивировать жизненный выбор каждого спелнического героя, каждое его деяние и слово стало на новом этапе той главной увлекательной и неисчерпаемой задачей, которую артист решал и продолжает решать до нынешнего дня. И если раньше душевная возвышенность его героев была безусловной и прямо выражала их отношение к миру, то теперь принято как должное обращение к сложным образам, среди которых нередки полунегативные, а то и вовсе отрицательные. Позиция не менялась, изменились средства, форма, распределение красок. Чтобы овладеть всем этим, понадобился период накопления сил, основательная переработка опыта, его переосмысление и обогащение.

Своего рода эскизами, предваряющими полноценные работы новой поры, явились Самохвалов в «Служивцах» и особенно две «отцовские» роли — Папа в «Затюканном апостоле» и Малахов-старший в пьесе «Остановите Малахова!». В обоих случаях, по разным приемам, актер поддерживал публицистическую направленность, присущую пьесам. Отец юного «апостола», восставшего против аморальности бунтарского мира, воплощал двуличие, как неотъемлемую часть этого мира. Ложь была его крепостью. В этом образе

нашла отражение духовная деградация целого социального пласта, и типология, бросающая плакатность закономерно привносились в образ.

Отец же Малахова делал свое недоброе дело в условиях, которые позволяли воспитать полноценного человека. Но его сын вырастал преступником. И на сей раз актер предлагал конкретное, доскональное исследование личной вины Малахова, казнил его за твердолобость, черствость, за нравственное отторжение себя от общества...

Наконец, пришел черед для Федя (он же Мефистофель), о котором говорилось выше. «Работник ада» выходил на сцену, предъявлял удостоверение, и следовал полный азарт каскад интересных сцен.

Мефистофель Белецкого наизовз парадоксален. По долгу службы Федя ловко реализует договоры, которые способствуют становлению людей на пагубный путь. Но в глубине души ему обидно за человеческую слабость. И каждый раз, выходя «на дело», он надеется на встречу с достойными противниками. Усталость, меланхолия, даже что-то гордое, байроническое по временам проглядывало в облике странствующего «специалиста по душам». Так романтическая тема прежних лет выступала у актера в любопытном двойном — одновременно серьезном (потерянные иллюзии, жажда добра, высокий демонизм) и сниженном, ироническом осмыслении.

Имел Федя и свою очень современную узнаваемую бытовую личину. Могуущественный дьявол и мелкий босс, торгаш адского ведомства с набором универсальных отмычек для слабых душ — вот пределы, в которых был развернут образ.

Есть точки соприкосновения между ним и О'Нилом в «Потопе», где персонаж Белецкого вполне реален, но ситуация сдвинута в область полуреальной. Актер органически соединил прошлое и настоящее человека, пришедшего к отрицанию и цинизму ценой потери былых идеалов. Он вкладывал в тиряды О'Нила глубокую тоску, тревогу, призыв к очищению.

В спектакле этого сезона «Насдине со всеми» представился случай показать остроту видения жизни, современность трактовки.

Достоинство Белецкого в зрелых ролях — выраженная характерность. При этом соблазны поверхностного бытовизма, мелкого правдоподобия ему чужды. Он видит и подает образ в главнейших, ярко проступающих гранях. В этом очевидно влияние вахтанговской режиссерской школы.

Впрочем, отношения между Белецким — актером и Белецким — режиссером сложились своеобразно. Он сознательно ограничивает себя актерской работой. Но приобщение к режиссуре помогло познать самого себя и дало новые критерии. Умение быть точным и строгим судьей своих работ, видеть образ не только изнутри, но и со стороны — это от режиссуры.

Роли Белецкого выстраиваются в определенный ряд. В нем находится место и романтическому герою, и неприкрашенному человеку в гуще житейских обстоятельств, и образу, заключающему в себе социально-философское обобщение. Сценической маски, испытанного амплуа он не нашол. В непредсказуемости следующего шага, в свободе от стереотипа, быть может, и заключается его самое привлекательное качество.

Н. ТАРШИШ.

Фото А. ДВОРЖЕЦА.